

Цзян Нинье лениво прислонился к оконному проёму, позволяя этим двоим подшучивать над ним, не соблюдая никакой субординации. За эти годы у него накопилось множество вопросов, однако все тайные расследования всегда упирались в одного и того же человека — Пей Чжо. У него было предчувствие: ответы, которые он искал, вернутся в Город Цзи вместе с этим человеком.

Пока он предавался раздумьям, Ду Шунь внезапно воскликнул:

— Посмотрите, та ветка сливы всё ещё не отцвела.

Цзян Нинье проследил за его взглядом. Недалеко от реки Цзяньхэ, рядом с арочным мостом, виднелась цветущая сливовая ветвь. Вероятно, это был последний цветущий экземпляр во всём Городе Цзи. При мысли об этом его охватила усталость: до чего же всё это скучно.

— Это прошлогодний дар Его Величества, — отозвалась Цзяоцзяо. — Говорят, это редкий сорт с Северо-Запада, цветёт дольше обычного. Одно только это дерево стоит сто тысяч золотых. Князь Цзин сказал, что раз в поместье никто не любит, лучше высадить его на дороге Ланьтин, чтобы все желающие могли посмотреть.

— Сто тысяч золотых? — Ду Шунь опешил. Он принялся в уме подсчитывать своё жалованье и пришел к выводу, что ему не хватило бы и нескольких жизней. Впрочем, отдать сто тысяч за дерево... если он здоров и рассудок его при нём, то зачем...

— Для улады глаз сойдёт, — равнодушно заметил Цзян Нинье.

Его взгляд был прикован к сливовому дереву, словно небо и земля внезапно обрели новые краски.

Однако в следующее мгновение у моста остановилась карета. Глаза юноши, сидевшего на козлах, радостно блеснули. Он с естественной лёгкостью протянул руку, безжалостно сломил ту самую ветку и, словно преподнося сокровище, подал её человеку внутри кареты.

Это движение было настолько изящным и плавным, что Ду Шунь и Цзяоцзяо, наблюдавшие из прогулочной лодки, застыли в изумлении. Они медленно повернули головы и увидели, что улыбка на губах Цзян Нинье исчезла, а его фениксовы глаза опасно сузились.

Шум со всех сторон не утихал. Пей Чжо опустил взгляд на ветку сливы в своей руке, и внезапно его охватило странное, давно забытое чувство дежавю.

Когда-то давно на восточной тропе, в пору лёгких весенних одежд, кто-то точно так же сорвал для него ветку цветущей сливы.

Хотя прошлое осталось за тысячи гор и рек, всё виденное тогда стояло перед глазами, отказываясь уходить в небытие.

В этот момент снаружи раздался шум. Су Янь высунул голову, огляделся и вскрикнул:

— Плохо дело, А-Чжань с кем-то сцепился!

Ду Шунь, пересилив себя, протиснулся сквозь толпу зевак. Он искренне не понимал, что это за чужеземный мальчишка выискался, столь не дорожающий своей жизнью. Впрочем, сражался он мастерски: пятеро или шестеро воинов в серебряных доспехах не могли с ним справиться.

— Прекратить! — рявкнул Ду Шунь. Увидев, что юноша не спешит убирать кривой меч, он не удержался и закатил глаза на своих подчинённых. Наконец, глубоко вздохнув, он крикнул в сторону кареты: — Императорская гвардия исполняет долг, немедленно выйти из кареты!

Как только слова сорвались с его губ, кто-то приподнял занавеску и неспешно вышел наружу.

Ду Шунь уже приготовился было вспылить и восстановить свой авторитет, но, увидев лицо вошедшего, замер. С его уст слетело лишь:

— Пей Чжо?!

Окружавшие их гвардейцы, заметив нетерпеливую радость на лице Ду Шуня, поспешно отступили.

— Господин Ду, — Пей Чжо слегка кивнул, жестом велел А-Чжаню убрать оружие. В этот момент Су Янь тоже прыгнул с повозки, и его агатовый ошейник зазвенел о серебряные украшения, подняв целый перезвон. Он остановился рядом с Пей Чжо, с любопытством оглядывая всё вокруг, и его взгляд, медленно скользнув с шумных торговых рядов на арочный мост, замер среди толпы.

— Ты... — Ду Шунь наконец сообразил что к чему, но, не успев подумать как следует, уставился на алые цветы в руках Пей Чжо, и у него от этого изрядно заболела голова. В конце концов, тысяча слов вылилась в одну фразу: — Верни-ка ты эту сливу... на место.

Заметив, что Ду Шунь хочет что-то сказать, но не решается, Пей Чжо еще не успел и двинуться, как А-Чжань резко заступил ему дорогу. Голубоглазый юноша выглядел весьма обиженным, пытаясь защитить ветку сливы, но под одним лишь взглядом Пей Чжо смущенно убрал руку.

— Этот твой слуга... случаем не немой? — с усмешкой спросил Ду Шунь.

А-Чжань бросил на него сердитый взгляд, но промолчал.

— А-Чжань не немой, — спокойно ответил Пей Чжо. — Просто не умеет говорить.

Ду Шунь подумал про себя: ну так это же и есть немой.

— А-Чжань еще мал и глуп, он не знал, что эта слива охраняется императорской стражей. Если бы... — Пей Чжо намеренно сделал паузу и посмотрел на Ду Шунь.

На душе у молодого генерала скребли кошки: хоть они в прошлом и были соучениками, теперь всё зависело не от него. Но если тот человек уже ушел... Ду Шунь подсознательно огляделся по сторонам и виновато понизил голос: — Это же слива, лично дарованная Императором, она невероятно ценна. Куда дороже тех, что были у нас в те годы...

— Генерал Ду хочет сказать, что мы должны возместить ущерб? — Пей Чжо прерывал его попытку предаться воспоминаниям.

На лице Ду Шуня появилось затруднение: — Да нет же...

— Разумеется, возместим, — раздался звонкий и глубокий голос из проходящей мимо толпы.

Сердце Пей Чжо сжалось, пальцы невольно крепче сжали рукав. Влажный холодный ветер прошелся по ряби реки Цзяньхэ, под ясным весенним солнцем внезапно превратившись в проносящийся мимо свирепый шквал, который с грохотом стих прямо у самого уха.

Ледяной и дерзкий.

Пришедший человек улыбался, в его брови и взгляд были вплетены природная легкость и беззаботность, постепенно сливаясь с тем юношеским, еще незрелым лицом из глубин памяти. Если бы не тот, кого он меньше всего хотел бы видеть... кто же это мог быть еще?

Пей Чжо остро ощутил устремленный на него взгляд, но отвечать взаимностью не стал.

Лишь слышались знакомые и в то же время чужие шаги — кто-то приближался.

— Господин Пей, — фениксовые глаза изогнулись в полумесяцы, и раздался неспешный голос: — Сливовые деревья в ущелье Юньчжоу дают ростки лишь раз в сто лет, и еще столетие требуется, чтобы они зацвели, а потому они несколько ценны. В этом году на том дереве распустилось всего десять ветвей, и каждая стоит десять тысяч золотых.

Услышав это, А-Чжань подумал, что этот человек просто так нарывается на неприятности, и одновременно интуитивно почуял, что связываться с ним опасно. Он одновременно сердито пялился на незнакомца и то и дело косился на Пей Чжо. Стоя в полушаге позади Пей Чжо, он не мог разглядеть его выражения лица. Но почему-то ему казалось, что сейчас тот выглядит совершенно иначе — в нем чувствовалось едва уловимое напряжение, из-за чего его осанка не была такой же устойчивой, как обычно, и даже рукава слегка подрагивали.

Нет, ему не показалось — выражение лица А-Чжаня изменилось.

— ...Князь Цзин. — Пей Чжо поднял руку для короткого приветствия, бросил на него легкий взгляд и тут же отвел его, выказав сдержанность и отчужденность.

Чья-то рука мягко опустилась чуть выше его запястья, и слышался мягкий, дружелюбный голос: — Не нужно церемоний.

Пей Чжо поднял глаза и увидел, что те глаза, похожие на весенние ветви, разом оказались гораздо ближе — теперь можно было разглядеть, как длинные ресницы отбрасывают тень. Улыбка Цзян Нинъе сияла в светлых зрачках, словно они всё еще были той неразлучной парочкой юношей на дороге Ланьтин много лет назад.

В следующее мгновение Пей Чжо непринужденно опустил руку, избегая тепла, исходящего от рукава собеседника.

— Смею не согласиться.

Цзян Нинье слегка замер: видимо, присутствие Ду Шуня заставило собеседника излишне скованно себя вести, и тогда он шагнул еще ближе, пытаясь обнять того за плечи: — А-Чжо может не соблюдать со мной столь строгие формальности.

К его удивлению, Пей Чжо мгновенно напрягся и лишь после небольшой заминки отстранил его.

Улыбка Цзян Нинье на секунду застыла. Эта реакция отторжения на расстоянии тысячи ли совершенно не совпадала с тем, что он ожидал — вместо братской теплоты и нежности тут сквозило немалое отвращение?

Выглядело так, будто это он силой принуждает собеседника.

Но он не хотел сдаваться.

— Я так тосковал по нашей с А-Чжо дружбе со студенческих времен, неужели после десяти лет разлуки мы стали настолько чужими? — Цзян Нинье изобразил крайне задетый вид.

Пей Чжо остался стоять на месте, словно глубоко вздохнув, и только после этого медленно встретился с ним взглядом: — Подчиненный слышал, что Ваше Высочество недавно оправились от тяжелой болезни...

Цзян Нинье сильно удивился: — А-Чжо слышал об этом даже на Северных Землях?

Затем он легко вздохнул: — Если честно, о событиях прошлых лет я почти ничего не помню. Если в будущем представится возможность, прошу А-Чжао рассказать мне обо всем поподробнее.

— Ваше Высочество, дела минувших дней уже позади, не стоит брать их в голову, — холодно произнес Пей Чжо, спокойно глядя на него своими ясными глазами. Цзян Нинье обуревали сомнения, но на людях он не стал настаивать на своём. Лишь пристально смотрел на собеседника, пытаясь разглядеть что-то необычное в этом лице, словно выточенном из льда и снега. Хотя он и гордился своей наблюдательностью, в этом человеке ему не удалось заметить ровным счетом ничего.

— А-Чжо...

Пей Чжо опустил взгляд и повторил:

— У меня не хватит дерзости, Ваше Высочество.

— А-Чжо, — Цзян Нинье словно не расслышал его слов, резко сменив тему, — раз уж мы с тобой когда-то были соучениками и близкими друзьями, примешь эти цветы. А как-нибудь потом вернёшь мне тысячу золотых, чтобы просто приличия ради закрыть вопрос.

Су Янь в изумлении открыл рот. Обернувшись и увидев перепуганного А-Чжана, он тут же зашептал ему:

— Не бойся. У меня при себе всё равно есть триста золотых, в крайнем случае, потом доплатим.

Цзян Нинье широко улыбался. Видя, что его «друг» по-прежнему невозмутим и даже не пытается возражать, он испытал немалое удивление. И дело было не только в тысяче золотых: жалование главнокомандующего гарнизоном вряд ли составляло даже сотню золотых в год. Если этот его соученик не привык сорить деньгами, значит, слухи верны, и он действительно замешан в коррупции и взяточничестве.

Внезапно сгустились сумерки. Цзян Нинье заметил, что чернильные глаза Пей Чжо стали чуть глубже, и поймал себя на мысли, что эта сцена кажется ему до боли знакомой. Но что-то в глубине сознания отчаянно рвалось наружу, дробя воспоминания на мелкие осколки. Что же это... что-то, что он почти ухватил... что это было?

В этот момент он заметил, что походка Пей Чжо стала нетвердой. Только он хотел что-то сказать, как молодой иноземец-слуга, стоявший рядом с Пей Чжо, молча поддержал его под локоть. Остальные этого не заметили, но в сердце Цзян Нинье зародилось подозрение. Он долго не сводил глаз с руки слуги, державшей Пей Чжо. Чуть ранее, коснувшись запястья Пей Чжо, он ощутил пугающий холод.

Ду Шунь, видя, что ситуация зашла в тупик, кашлянул:

— Господин Пей, раз уж Его Высочество сказал, что достаточно тысячи золотых, вы, считайте, согласились. Может, на этом и закончим?

Пей Чжо не ответил, вместо этого обратившись к Цзян Нинье:

— Ваше Высочество, вы ошиблись.

Цзян Нинье приподнял бровь:

— Неужели?

Пей Чжо подошел ближе и произнес так тихо, что слышали лишь они двое:

— Мы с Вашим Высочеством никогда не были друзьями.

Услышав это, Цзян Нинье не разгневался, а лишь рассмеялся. Уголки его губ дрогнули: наконец-то становится интересно.

В этот момент Ду Шунь взглянул куда-то вдаль и нахмурился:

— Ваше Высочество, люди из Надзорного ведомства уже подходят.

Сказав это, он бросил быстрый взгляд на Пей Чжо и Су Яня, откланялся и вместе с двумя стражниками из императорской гвардии быстро скрылся в переулке.

Воздух словно застыл.

Цзян Нинъе слегка приподнял веки, и складной веер в его руке пришел в движение:

— Так вы и есть наследный принц города Тяньлю?

Вопрос был адресован Су Яню, но смотрел он на Пей Чжо.

Однако, не успел Су Янь открыть рот, как из толпы выскочила фигура. Человек протиснулся мимо стражников и рухнул прямо к ногам Цзян Нинъе и Пей Чжо.

Пей Чжо опустил взгляд: перед ним была девочка лет двенадцати в грубой домотканой одежде с деревянной заколкой в волосах. Её лицо было перепачкано пылью. Подняв голову, она в испуге сжалась под остриями мечей стражников, пятась назад по земле; пальцы на руках от холода стали ярко-красными.

Пей Чжо наклонился, протянул ей руку и тихо спросил:

— Холодно?

— Холодно... — прошептала девочка дрожащим, хриплым голосом. Глядя на мужчину перед собой, она помедлила, а затем всё же вложила свою руку в его ладонь.

Цзян Нинъе, с интересом наблюдавший за происходящим, вдруг перестал обмахиваться веером.

В тот самый момент, когда девочка поднялась на ноги, она ловко выхватила деревянную заколку из волос и вонзила её прямо в грудь Пей Чжо.

— Учитель Пэй! — вскрикнул Су Янь, и А-Чжань, заметив опасность, уже занёс руку, чтобы сразить девочку.

Пей Чжо остановил его.

Его левая рука перехватила заколку, и несколько алых капель крови потекли по его бледному запястью.

Он посмотрел на девочку. Её невинное личико теперь искажала лютая ненависть.

— ...Верни мне отца, — по слогам, сквозь зубы процедила она.

Пей Чжо, удерживая руку девочки, спросил:

— Кто твой отец?

Взгляд девочки упал на его рукав, где в сумерках тускло поблескивал золотой узор дракона.

— Армия Чжаофэн?

— Я слышала, ты и есть главнокомандующий Хуа Бэнь! — ненависть в голосе девочки заставила окружающих замереть, но, дойдя до сути, она вдруг захлебнулась рыданиями. — Мой отец не хотел воевать... он не хотел покидать Дунчжоу... это всё ты! Это ты затеял ту битву при Хуа Бэнь! Из-за тебя он не вернулся!

Говоря это, она изо всех сил пыталась вырваться из рук Пей Чжо. Слёзы, словно тонкие нити, разбивались о крики.

На оживленном берегу реки воцарилась тишина. Жители города Цзи останавливались и с любопытством оборачивались.

Кто не помнил ту ужасную битву при Хуа Бэнь четыре года назад, когда кровь текла рекой, а тысячи людей погибли? Всего этого не должно было случиться, если бы тогдашний новый главнокомандующий не проявил упрямство и не спровоцировал войну с племенами Чи. Иначе разве стали бы силой призывать простых жителей Дунчжоу в армию?

Даже спустя четыре года многие помнили длинные вереницы гробов, наполненных одеждой погибших, и плач, доносившийся с гор.

Цзян Нинье слегка приподнял брови. Даже он, человек, не интересующийся делами внешнего мира, слышал об этом. Та битва была не просто пограничным столкновением — именно тогда Пей Чжо в столице окончательно перешел на сторону того, в чьих руках была сосредоточена вся власть, — великого наставника Чу Ляна. Придворные говорили, что Пей Чжо сделал верный выбор, смыв с себя клеймо сына преступника. Но в народе шептались, что он вероломно предал верность и связался с предателем, за что его ждет вечное проклятие.

На его глазах Пей Чжо слушал эти обвинения и даже не дрогнул. Его холодность внушала трепет.

И правда, он ничем не отличается от этой гнили.

Пока он размышлял об этом, вдали послышался топот коней. Цзян Нинье отвернулся и брезгливо прикрыл нос веером. Гниль прибыла.

— Господин Пей и наследный принц вернулись из дальнего пути. Надзорное ведомство не смогло встретить вас за воротами города, прошу великодушно простить.

Голос прозвучал еще до того, как появился сам человек. Стражники в чёрных доспехах расчистили широкую дорогу, и оттуда вышел мужчина средних лет в алом чиновничьем халате. С его квадратного подбородка свисала ухоженная борода, а маленькие глазки сощурились в щелочки.

Даже спустя столько лет Пей Чжо узнал его. Глава Надзорного ведомства, Чжан Жохань.

Чжан Жохань, улыбаясь, окинул их взглядом и удивленно воскликнул:

— Господин Пей, что здесь происходит?

Пей Чжо уже отпустил девочку. Он поправил рукава и спрятал раненую левую руку за спину.

— Всего лишь встретил местных жителей на окраине города.

Пей Чжо обратился к девочке:

— Ты еще здесь? Иди.

Девочка широко раскрыла глаза, слёзы еще не успели высохнуть. Но, увидев людей из Надзорного ведомства, она задрожала еще сильнее — гораздо сильнее, чем когда стояла лицом к лицу со своим врагом. Она опустила голову, стараясь избегать их взглядов.

Чжан Жохань слегка улыбнулся:

— Девушка, ты из каких мест?

Не дав дрожащей девочке ответить, Цзян Нинье вставил слово:

— Из поселка Цзюйхуан, что под горой на юге.

— Ваше Высочество? — Чжан Жохань только сейчас заметил человека в роскошных одеждах на берегу и поспешно поклонился.

Однако Цзян Нинье даже не взглянул на него, продолжая спрашивать девочку:

— Я прав?

Девочка крепко сжала воротник своей одежды, не решаясь ответить, словно молчаливо соглашаясь. Она робко подняла глаза и увидела, что этот молодой и прекрасный господин

прикрыл веером нижнюю часть лица, но его завораживающие глаза улыбались ей.

Цзяоцзяо поняла намек, тут же подошла, вытащила из рукава несколько кусочков серебра, положила их в ладонь девочки и мягко сказала:

— Девушка, город Цзи далеко от твоего дома, а уже стемнело. Найди в городе ночлег, а завтра утром отправишься в путь.

Девочка ничего не ответила, поклонилась, сжимая в руке серебро, и быстро растворилась в шумной толпе.

Цзян Нинье слегка нахмурился, встретившись взглядом с Пей Чжо, и ответил ему своей обычной улыбкой.

— Указ Небес гласит: главнокомандующий города Хуа Бэнь Пей Чжо, отслуживший на Северных Границах десять лет, честен и прямодушен, его заслуги очевидны. Он утихомирил войну на севере и защитил границы нашего Государства Тан. Ввиду его таланта к государственному управлению, он — опора, способная переправлять через великие реки. Посему приказываю вернуться в Императорскую столицу, назначить на должность шаншу-ши, пожаловать тысячу дворов в кормление, сто му плодородных земель в поместье Юньчжун, двести рулонов парчи Южного Тан, остальные награды будут обсуждены при дворе. Примите указ.

Голос Чжан Жоханя, низкий и четкий, разнесся над рекой Цзяньхэ.

— Ваше Высочество, господин Пей, сегодня вечером во дворце состоится пир в честь наследного принца племени Цан, прошу вас следовать за мной.

Цзян Нинье, не глядя на него, спросил у Цзяоцзяо:

— Прибыли?

Его голос звучал непринужденно и звонко, так что и Пей Чжо, и Чжан Жохань всё отчетливо слышали.

Как только Цзяоцзяо кивнула, Су Янь и А-Чжань обернулись и увидели целый отряд танцовщиц и музыкантов — не меньше пятидесяти человек. В этой процессии были флейты, сяо и даже барабаны — всё это выглядело крайне торжественно.

Не успел Чжан Жохань и слова сказать, как танцовщицы и музыканты выстроились в ряд перед стражей, освобождая путь для золотой кареты, которая, медленно покачиваясь, приближалась сзади.

— А-Чжо, — Цзян Нинье выговорил каждое слово отчетливо, и в его глазах отразились

сумерки, — это я приготовил специально для тебя.

Уходящие тени облаков скрыли половину лица Пей Чжо, словно дымка вечернего дождя опустилась на древнюю дорогу города Цзи.

Эта сцена заставила Цзян Нинъе на мгновение замереть — внезапное чувство дежавю нахлынуло на него. Но вслед за этим пришло бесконечное замешательство.

— Благодарю, Ваше Высочество.

<http://bllate.org/book/21168/2144689>